

док. хаб. Наталья Евгениевна Завацкая

Мелитопольский Институт Государственного и Муниципального Управления
Классического Приватного Университета

Уровень адаптационного потенциала личности как составляющая процесса социальной реадаптации в период кризиса

ВСТУПЛЕНИЕ

Актуальность решения проблемы социальной реадaptации личности обусловлена многочисленными препятствиями в процессе вторичной социализации, происходящими в случае кардинального изменения жизненной ситуации. Если влияние таких изменений превышает имеющиеся адаптивные возможности личности и процесс вторичной социализации блокируется или происходит неудачно, возникает необходимость в реадaptации [Завацкая, 2003, с. 98–101; Коржова, 1997, с. 75–88; Маклаков, 2001, с. 16–24; Швалб, 2007, с. 439–450 и др.]. Поиск средств повышения способности личности к адаптации в новых жизненных обстоятельствах является актуальным направлением ее социальной реадaptации, поскольку это может в значительной мере предупредить и исправить негативные тенденции, сопровождающие процесс реадaptации [Кокун, 2002, с. 137–140; Маклаков, 2001, с. 16–24; Посохова, 2001; Ткач, 2008 и др.].

На основе анализа работ (Б.С. Братуся, М.И. Еникеева, А.Г. Караяни, Л.А. Китаева-Смыка, П.А. Корчемного, Т.В. Ткач) по проблеме адаптации (вторичной адаптации) личности в кризисные периоды ее жизни, установлено, что действие дезадаптивных механизмов может проявиться особенно отчетливо и выделить общую для разрешения кризиса проблему ломки стереотипов и изменения системы ценностей. По мнению А.А. Лазебной, С.Ф. Левина, И.Г. Малкиной-Пых, Ф.С. Мжельского, Л.А. Пергаменщика именно процесс реадaptации затрагивает ценности, цели, нормы личности и ее потребностно-мотивационную сферу, которые перестраиваются на противоположные по смыслу, способами реализации, поскольку процесс реадaptации связан либо с коренной перестройкой функциональных систем в целом у личности при экстраординарных обстоятельствах или с переходом из состояния адаптации в привычных условиях в состояние адаптации в новых условиях, отличающихся от предыдущих условий жизни и деятельности (Н.В. Тарабрина, Т.Р. Татидинова, С.В. Чермянин, О.М. Яковлев).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Однако недостаточно изученной остается проблема социально-психологических факторов социальной реадaptации личности, и прежде всего, влияние на этот процесс ее адаптационного потенциала. Поэтому учитывая механизмы адаптивных реакций человека в ответ на действие факторов среды и выделяя психологические реакции на воздействие среды, целесообразно внедрение опосредующего действие этого механизма фактора социальной реадaptации – адаптационного потенциала личности. В ситуации возрастного кризиса, усложнении условий жизнедеятельности, этот фактор становится ведущим, а уровень социальной реадaptации непосредственно связывается с уровнем развития адаптационного потенциала личности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Адаптационный потенциал личности целесообразно представить как интегральное образование, объединяющее интраперсональные составляющие (сферу самосознания, индивидуально-типологические особенности, эмоционально-волевую и мотивационно-ценностную сферы личности) и интерперсональные составляющие – социальную поддержку (психологическую, инструментальную) и особенности социальной интеграции.

Контингент обследуемых состоял из лиц, вернувшихся из мест лишения свободы (118 человек); участников боевых действий (108 человек), лиц, находящихся в стадии ремиссии от употребления психотропных веществ (132 испытуемых: 90 мужчин с алкогольной зависимостью и 42 мужчины с наркотической зависимостью), и военнослужащих, уволенных в запас или отставку (164 человека). Количество испытуемых на этом этапе составила 522 обследуемых мужского пола в возрасте от 40 до 51 года.

Методика эмпирического исследования была построена таким образом, что стало возможным изучить те параметры, которые, по нашим предположениям, влияют на уровень адаптационного потенциала личности. Так, для изучения показателей интраперсональной составляющей адаптационного потенциала личности, в частности, для: а) определение особенностей сферы самосознания: методика диагностики самооценки (С.А. Будасси), методика диагностики локус-контроля (Дж. Роттера), методика диагностики интраперсональных отношений (Т. Лири), б) определение особенностей индивидуально-типологической и эмоционально-волевой составляющих адаптационного потенциала: опросник Леонгарда-Шмишека, опросник 16 PF (Р. Кеттелл), тест фрустрационной толерантности (С. Розенцвейга), тест М. Люшера, тест Е. Вагнера, в) определение особенностей содержательного

аспекта мотивационно-ценностной сферы: методика изучения ценностных ориентаций (соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах) О.Б. Фанталовой, динамических аспектов мотивации: мотивационный тест (Х. Хекхаузена). Для изучения показателей интерперсональной составляющей адаптационного потенциала испытуемых, в частности, для: а) определения особенностей эмоциональной и инструментальной поддержки, социальной интеграции: опросник социальной поддержки F-SOZU-22 (G. Sommer и T. Fydrich) в адаптации А.Б. Холмогоровой и соавторов, б) выявления имеющихся источников поддержки, объема и характера социальных контактов, а также верификации данных опросника социальной поддержки относительно уровня эмоциональной и инструментальной поддержки использовался: «Интегративный опросник социальной сети», разработанный Т.В. Довженко.

Согласно гипотезе исследования необходимость в социальной реадаптации возникает у тех испытуемых, которые имеют сниженные показатели адаптационного потенциала. Поэтому необходимо исследовать, какие из этих показателей обуславливают различные уровни адаптационного потенциала испытуемых в целях дальнейшего учета этих данных в разработке системы их социальной реадаптации. Именно это было предметом нашего специального исследования.

Как показал предварительный анализ, условия микросоциальной среды, жизненный опыт и природные особенности влияют на формирование личностных черт исследуемых, их самооценку и уровень притязаний, возможности прогноза жизненного пути. В случае нормального протекания социализации личности формируется адекватная, дифференцированная самооценка. Это личностное качество является необходимым компонентом социально адаптированного поведения и условием успешной социальной реадаптации. Поэтому эмпирическое изучение параметров адаптационного потенциала испытуемых мы начали с оценки устойчивости и адекватности самооценки, локуса субъективного контроля и степени самовосприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ изучения самооценки показал, что 32% испытуемых имеют адекватную самооценку. Неадекватно высокую самооценку имеют 22,8% лиц, неадекватно низкую – 23,6% лиц. Однако, указанные показатели значительно колебались в пределах определенных групп. Так, наибольшее количество (17,4%) обследуемых с адекватной самооценкой – в группе социально адаптированных лиц (мужчин, уволенных в запас или в отставку), наименьшее количество (2,7%) – в группе мужчин с тотальной степенью

социальной дезадаптации ($\varphi=1,64$, $p\leq 0,05$) (значимость различий между процентными показателями проверялась с помощью критерия углового преобразования Фишера). В группе испытуемых с деструктивной степенью дезадаптации в основном неадекватна и неустойчивая самооценка; адекватной самооценки по этой группе лиц не выявлено. Чаще всего это объясняется следующим: самооценка является неустойчивой вследствие неуверенности в собственных силах и возможностях, неадекватной – вследствие неспособности дать себе адекватную самооценку через снисходительное отношение к своим недостаткам, а сочетание не критичности к себе с чувством неуверенности в себе означает, что самооценка является и неустойчивой и неадекватной.

Результаты изучения локуса контроля дали возможность дифференцировать испытуемых указанных групп по параметру отношения к себе как к субъекту своей жизнедеятельности. В группе социально адаптированных лиц и лиц с частичной социальной адаптацией преобладает интернальный локус контроля (соответственно 19,9% и 12,1% обследуемых), который является показателем их личностной зрелости, поскольку детерминирует ответственность за свои поступки, способность прогнозировать последствия своих действий. Среди исследуемых с тотальной степенью социальной дезадаптации преобладает экстернальный локус контроля – 20,1% лиц ($\varphi=1,82$; $p\leq 0,03$). Заметим, что по этой группе у тех испытуемых, которые вернулись из мест лишения свободы, в основном интернальный локус контроля. Это, по нашему мнению, объясняет тот факт, что, несмотря на криминальную субкультуру, элементом которой является потребление психотропных веществ, далеко не все бывшие преступники становятся алкоголиками или наркоманами. В группе испытуемых с деструктивной степенью социальной дезадаптации гораздо больше лиц имеют экстернальный локус контроля, то есть ответственность за события переносится ими на окружающих, обстоятельства, судьбу ($\varphi=1,92$; $p\leq 0,02$).

Изучение индивидуально-типологических особенностей испытуемых показало, что у 9,4% лиц с деструктивной степенью социальной дезадаптации преобладают возбудимость, циклотимность, застревание, экзальтированность. У 2,7% испытуемых этой группы обнаружена возбудимая и у 2,3% лиц эпилептоидная акцентуации характера; с возбудимой психопатией – 3,3% лиц. Среди испытуемых с частичной социальной адаптацией и тотальной степенью дезадаптации также преобладают указанные черты характера ($\varphi=2,14$; $p\leq 0,01$). Это позволяет констатировать склонность к импульсивным, рискованным, конфликтным и асоциальным действиям большинства (28,9%) социально дезадаптированных лиц. В группах испытуемых с тотальной и деструктивной степенью дезадаптации выявлены мозаичные акцентуации, а именно: такие противоречивые сочетания акцентуированных черт как застревающие с возбудимыми чертами (20,7%

лиц), или сочетание демонстративных и застревающих акцентуированных черт у 11,1% лиц с тотальной степенью дезадаптации, а также сочетание демонстративных и возбудимых черт у 2,3% лиц с деструктивной степенью дезадаптации. У социально адаптированных испытуемых таких мозаичных акцентуаций характера и психопатий не выявлено ($\varphi=2,08$; $p\leq 0,01$).

Об отсутствии внутриличностного конфликта, непродуктивной напряженности, нервно-психических срывов свидетельствует порядок выбора цветов у большинства (21,5%) человек в группе социально адаптированных испытуемых. Выбор ими цветов тяготеет к последовательности «34250617» и по оценке функциональных групп является близким к «аутогенной норме» Г. Вольнеффера. Для большинства (9,8%) лиц с деструктивной степенью социальной дезадаптации характерен такой усредненный ряд цветовых преимуществ: «20531467» ($\varphi=1,94$; $p\leq 0,02$). Это указывает на длительное состояние фрустрации, сопротивление воздействиям внешней среды, протест в отношении запретов, тенденции к ограничению социальных контактов, пессимистический прогноз на будущее. Испытуемые с тотальной степенью социальной дезадаптации показали, что для них характерна пассивно-оборонительная психологическая позиция, потребность в отставании собственных установок, ригидность, агрессивность ($\varphi=1,52$; $p\leq 0,06$). Порядок выбора цветов у большинства (12,1%) испытуемых с частичной адаптацией тяготеет к последовательности «02361457» и указывает на стремление оградить себя от неприятных ситуаций, на стремление к эмоциональной независимости, негативное отношение к ограничениям, затруднениям ($\varphi=1,61$; $p\leq 0,05$).

Уровень агрессивности, определяемый как разница между суммой «адаптивных» ответов и суммой ответов по категориям «агрессия» и «указание» (по показателям теста Е. Вагнера), в группе социально адаптированных мужчин указывает на выраженную сдержанность в поведении, контроль агрессивных тенденций у 26,1% испытуемых. По сравнению с ними у лиц с частичной социальной адаптацией есть тенденция к повышению уровня агрессивности. Рост агрессивных тенденций и преимущество над тенденциями, которые сдерживают агрессивное поведение, выявлено у 17,4% лиц с тотальной степенью дезадаптации ($\varphi=1,56$; $p\leq 0,05$). Качественный анализ значения и места агрессивных тенденций в общей системе диспозиций указывает на увеличение количества агрессивных ответов при полном отсутствии ответов типа социальной кооперации и высокую степень враждебности у 9,4% испытуемых с деструктивной степенью социальной дезадаптации ($\varphi=2,25$; $p\leq 0,01$).

Анализ результатов исследования показал, что коэффициент социальной адаптации GCR в группе социально адаптированных испытуемых составляет $55\pm 4,5\%$ и соответствует нормативным данным ($p\leq 0,01$). У испытуемых с частичной социальной адаптацией коэффициент GCR равнялся

45±3,5%, т.е. был пониженным, но по сравнению с другими группами социально дезадаптированных испытуемых, был выше. По выборке испытуемых с тотальной степенью социальной дезадаптации этот показатель оказался сниженным почти вдвое – 32±4,6%, что указывает на недостаточную адаптацию к своему социальному окружению. У испытуемых с деструктивной степенью социальной дезадаптации очень низкий коэффициент GCR (23±3,5%) дополнительно свидетельствует о неблагоприятном прогнозе процесса социальной реадаптации этих лиц ($p \leq 0,01$).

Изучение соотношения показателей фрустрационной напряженности и эмоциональной устойчивости позволило выявить индикатор эффективности адаптации (по Ф.Б. Березину) и установить статистически значимые различия по этому показателю между выделенными нами группами испытуемых. Высокие показатели индикатора эффективности адаптации (0,45±0,75 баллов) у 21,1% социально адаптированных испытуемых и у 2,1% лиц с частичной социальной адаптацией ($\varphi=2,09$; $p \leq 0,01$). Средние показатели индикатора эффективности адаптации (1,15±0,6 баллов) выявлены у 16,5% частично адаптированных лиц ($\varphi=1,64$; $p \leq 0,05$) и у 15,5% лиц с тотальной степенью дезадаптации ($\varphi=1,51$, $p \leq 0,06$). Низкие показатели индикатора эффективности адаптации (3,25±0,85 баллов) у испытуемых с тотальной (18,6% лиц) и с деструктивной (10,5% лиц) степенью социальной дезадаптации ($\varphi=1,94$; $p \leq 0,02$). Это указывает на существенное снижение эффективности адаптации согласно ее степени и коррелирует с коэффициентом GCR социальной адаптации этих испытуемых ($r=0,87$; $p \leq 0,05$).

Анализ соотношения между уровнем осознания главных жизненных ценностей и уровнем непосредственно доступного, показателем различия которых является коэффициент уровня дезинтеграции в мотивационно-ценностной сфере (по методике А. Б. Фанталовой), обнаружил два варианта взаимосвязи. Во-первых, это преимущество значимости над доступностью, что соответствует состоянию разрыва между потребностью в достижении данных ценностей и возможностью их достижения в реальности. Такое положение связано с наличием конфликта в мотивационной сфере относительно главных жизненных ценностей. Дифференциация коэффициента дезинтеграции по степени социальной адаптации испытуемых выявила статистически значимые различия. У 22,2% социально адаптированных испытуемых и у 2,3% лиц с частичной социальной адаптацией этот коэффициент составлял 33,0±0,4 балла, что соответствовало нормативным данным и означало удовлетворение жизненной ситуацией; категории «ценности» и «доступности» не отличаются по основным сферам. У таких испытуемых, как правило, не возникали ни устойчивые внутренние конфликты, ни «внутренние вакуумы», которые тормозят общую мотивацию ($\varphi=2,23$; $p \leq 0,01$). У 11,7% испытуемых

с частичной социальной адаптацией, у 23,6% лиц с тотальной степени и у 2,9% лиц с деструктивной степенью дезадаптации категории «ценности» и «доступности» в значительной степени различались, а средний показатель коэффициента дезинтеграции составил $48,4 \pm 0,5$ балла, что указывает на состояние фрустрации и наличие значительных трудностей в достижении ценностных объектов, находящихся в сфере материального благополучия, интимно-личностных отношений, здоровья. У 10,5% испытуемых с тотальной степенью дезадаптации и у 9,4% лиц с деструктивной степенью социальной дезадаптации категории «ценности» и «доступности» полностью расхотелись, а соответствующий коэффициент составлял $63,9 \pm 0,2$ баллов, при этом когда ценности преобладали над доступностью в их достижении присутствовал устойчивый, глубокий внутренний конфликт, а при обратном соотношении – состояние внутреннего вакуума, внутренней опустошенности, снижение побуждения к деятельности ($\varphi=1,63$; $p \leq 0,05$).

Изучение показателей динамического аспекта мотивации показало, что в группе социально адаптированных испытуемых большинство (24,1%) испытуемых имеет соотношение показателя мотивации, связанной с надеждой на успех и мотивации избегание неудач, соответствующее нормативным данным ($\varphi=2,32$; $p \leq 0,01$). Неадекватно высокие баллы мотивации достижения (более 14) обнаружили 4,4% испытуемых с частичной социальной адаптацией, 9,2% испытуемых с тотальной степенью социальной дезадаптации и 3,4% испытуемых с деструктивной степенью дезадаптации, у которых преобладали возбудимые черты, склонность к риску, агрессивность и конфликтность в межличностных контактах, неадекватно высокая самооценка. Напротив, высокие баллы показателей мотивации предотвращения неуспеха (выше 10 при заниженной мотивации достижения) оказались у испытуемых этих групп, у которых отмечались тревожность, неуверенность в себе, низкая самооценка (соответственно в 3,1% лиц с частичной адаптацией; у 9,7% с тотальной и у 4,2% лиц с деструктивной степенью дезадаптации) ($p \leq 0,05$). Нулевой показатель мотивации избегания неудачи при повышенных баллах мотивации достижения выявлен у 10,7% лиц с тотальной и у 2,9% лиц с деструктивной степенью дезадаптации, которые отмечались поспешностью в принятии решений, импульсивностью, низкой эмоциональной устойчивостью. Низкие показатели мотивации достижения выявлены у 4,4% испытуемых с тотальной и у 1,7% лиц с деструктивной степенью социальной дезадаптации при депрессивных состояниях. В группе лиц с частичной социальной адаптацией такие низкие показатели выявлены у 10,2% лиц с чертами зависимости, конформности и пессимистичности.

Анализ результатов изучения социальной поддержки у дезадаптированных испытуемых свидетельствует о значимых различиях по всем параметрам социальной поддержки по сравнению с группой социально

адаптированных лиц. У них снижен как уровень эмоциональной и инструментальной поддержки, так и степень социальной интеграции в общество, по сравнению с социально адаптированными испытуемыми ($\varphi=2,23$; $p\leq 0,01$). Так, у испытуемых с деструктивной степенью социальной дезадаптации значительно ниже общий показатель социальной поддержки (71,5±4,2 балла), а также показатель (4,4±2,2 балла) удовлетворенности социальной поддержкой ($p<0,05$). У испытуемых с тотальной и деструктивной степенью социальной дезадаптации выявлены значимые различия по размеру социальной сети и количеством лиц, входящих в ядро сети ($p\leq 0,01$). Значительно ниже частота их контактов с родственниками по сравнению с социально адаптированными и частично адаптированными испытуемыми ($\varphi=2,69$; $p\leq 0,001$). Кроме того, у социально дезадаптированных испытуемых имеется тенденция к ограничению доверительных связей с другими людьми. Им сложнее, чем социально адаптированным оказывать окружающим эмоциональную и инструментальную поддержку, о чем свидетельствует анализ симметричности контактов ($p\leq 0,01$).

Учитывая показатели самооценки, локуса контроля, характерологические особенности, уровень агрессивности, уровень фрустрационной напряженности и эмоциональной устойчивости, индикатор эффективности адаптации, коэффициент социальной адаптации (CGR), показатели функционирования мотивационно-ценностной сферы, а также параметры социальной поддержки была проведена дифференциация уровней адаптационного потенциала испытуемых. Это позволило выделить высокий, средний, низкий и очень низкий уровень адаптационного потенциала в процессе реадaptации личности.

ВЫВОДЫ

Полученные данные подтверждают соотношение между уровнем адаптационного потенциала и степенью социальной адаптации испытуемых: подавляющее большинство социально адаптированных лиц имеют высокий уровень адаптационного потенциала, не требующих специальной коррекционной работы; наибольшее количество испытуемых с частичной социальной адаптацией имеют средний уровень адаптационного потенциала, повышение которого на более высокий уровень способствует их успешной социальной реадaptации; большинство испытуемых с тотальной и с деструктивной степенью социальной дезадаптации имеют, соответственно, низкий и очень низкий уровень адаптационного потенциала. Указанные лица требуют специальных условий пребывания (постоянный контроль, внешняя организация быта, санкционированная необходимость выполнять социально полезный труд) и применения психотерапевтического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Завацька Н.Є., 2003, *Дослідження адаптаційного потенціалу особистості*, Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна, № 599, серія: Психологія.
- Кокун О. М., 2002, *Аналіз поняття адаптаційних можливостей людини*, [в:] *Проблеми заг. та пед. психол.: Зб. наук. праць Ін-ту психол. ім. Г.С. Костюка АПН України*, за ред. С.Д. Максименка, К., Гнозис, т. IV, Ч. 5.
- Коржова Е.Ю., 1997, *Жизненные ситуации и стратегии поведения* [в:] *Психологические проблемы самореализации личности*, под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылёвой, СПб ГУ.
- Маклаков А.Г., 2001, *Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях*, Психологический журнал, Т. 22, № 1.
- Петрова Г.А., 2007, *Методики исследования социальных сетей и социальной поддержки: учеб.-метод. пособ.*, Г.А. Петрова, А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, М.: Смысл : МГППУ.
- Посохова С.Т., 2001, *Психология адаптирующейся личности*, СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена.
- Ткач Т.В., 2008, *Освітній простір особистості. Психологічний аспект: монографія*, Інститут психології ім. Г.С. Костюка АПН України, Запоріжжя: Вид-во ГУ „ЗДМУ”.
- Холмогорова А. Б., 2003, *Социальная поддержка как предмет научного изучения и ее нарушения у больных с расстройствами аффективного спектра*, А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, Г.А. Петрова, *Социальная и клиническая психиатрия*, № 2.
- Швалб Ю.М., 2007, *Теоретические проблемы структурирования сфер жизнедеятельности личности*, [в:] *Актуальні проблеми психол.: Зб. наук. праць Ін-ту психол. ім. Г.С. Костюка АПН України*, за ред. С.Д. Максименка, Міленіум, Т. 7, Вип. 10.
- Brugha T., 1995, *Social support and psychiatric disorders: overview of evidence*, University Press, Cambridge.
- Fydrich T., 1999, *Fragebogen zur Sozialen Unterstutzung (F-SozU): Normierung an einer repräsentativen Stichprobe*, T. Fydrich, M. Geyer, A. Hessel, G. Sommer, E. Brähler, “Diagnostica” V. 45.

Streszczenie

W artykule przedstawiono nowe podejście koncepcyjne do społeczno-psychologicznej analizy natury i problemów adaptacji społecznej jednostki w czasach kryzysu. Okazało się, że społeczno-psychologiczny aspekt integracji społecznej jednostki w czasach kryzysu służy jej zdolności adaptacyjnej. Nowe podejście do pojęcia „zdolności adaptacyjnej” można przedstawić jako zintegrowaną edukację. Łączy ona zarówno intrapersonalne komponenty (społeczno-psychologiczne i indywidualne – typologiczne cechy i jakości), które są na bieżąco aktualizowane do tworzenia i wdrażania nowych programów w zachowaniu zmienionych warunków życia, jak i elementy interpersonalne (społeczne funkcje pomocy i integracji społecznej).

**The level of the adaptive capacity of the individual as part of the process
of social reintegration in crisis**

Summary

This paper presents a new conceptual approach to socio-psychological analysis of the nature and problems of social integration of the individual in times of crisis. It is shown that the leading social-psychological component of the social integration of the individual in times of crisis serves its adaptive capacity. Rethinking the concept of "adaptive capacity" allowed to present it as an integral education, combining intrapersonal components (socio-psychological and individual-typological features and quality), which are actualized person to create and implement new programs in the behavior of the changed conditions of life, and interpersonal components (social features support and social integration).